

Гу Сюньчжи застыл посреди двора. Стоя спиной к Жэнь Ши, он дрожащими, непослушными от холода пальцами расстегивал пуговицы на ватном халате.

«Боюсь, этот мороз вытянет из меня последние остатки жизни», — мелькнуло в голове.

Несмотря на целебные снадобья и согревающее действие Жемчужины Южных морей, Гу Сюньчжи лишь казался бодрым — на деле же его здоровье оставалось хрупким. Стоило ему распахнуть полы халата, как резкий порыв ветра заставил его содрогнуться, и он поспешно запахнулся обратно.

Заметив его нерешительность, Жэнь Ши подошел ближе. Не церемонясь, он схватил Сюньчжи за ворот и рывком стянул тяжелое одеяние, подставляя бледную кожу младшего брата холодному лунному свету.

Гу Сюньчжи редко бывал на солнце, отчего кожа его казалась почти прозрачной. Он был настолько худ, что под кожей отчетливо проступали ребра. От ледяного воздуха тело его невольно сжалось.

Но хуже холода был взгляд шисюна.

Гу Сюньчжи чувствовал, что тот смотрит ему в спину, но не мог угадать ни выражения его лица, ни того, на чем именно замер этот взор. Стыд от того, что он обнажен перед шисюном, заставил его задрожать еще сильнее. Сюньчжи отчаянно хотелось обернуться, чтобы увидеть лицо Жэнь Ши...

— Не шевелись!

От резкого окрика Гу Сюньчжи замер. Ему не казалось: с момента их последней встречи шисюн стал куда суровее. А ведь еще недавно, в миг их первого свидания, в Жэнь Ши чувствовалась нежность, и поцелуй, запечатленный на лбу, казался полным любви. Однако стоило пройти времени, как он вновь стал прежним. Гу Сюньчжи любил его именно таким, и все же в глубине души надеялся, что отношение к нему... станет хоть каплю особенным.

Жэнь Ши стоял позади, не сводя глаз с изможденной спины Сюньчжи. О чем думал его младший брат, он не знал — да и не пытался понять. Его заботило лишь одно: как заставить этого упрямяца прожить подольше. Он сложил пальцы в магическом жесте и начал негромко напевать заклинание. Лунный свет послушно начал стягиваться в одну точку, постепенно окутывая фигуру Гу Сюньчжи.

Этот метод Жэнь Ши называл не просто передачей духовной энергии, а введением духовной энергии в тело. Шисюн использовал собственную силу, чтобы направить природную энергию луны в меридианы Гу Сюньчжи. Способ был крайне расточительным — духовных сил требовалось много, а усваивалась лишь малая часть. Но у Жэнь Ши были свои причины: его собственная ци была настолько мощной и плотной, что, попытайся он передать её напрямую,

он мог бы попросту разорвать хрупкое тело Сюньчжи.

Столица была городом смертных, и духовная энергия здесь была скудной. Лишь в лунные ночи в воздухе она разливалась едва уловимо. Многие звери-оборотни практиковали «поклонение лисицы луне», впитывая её эссенцию. Однако для людей пользы от этого было мало, и ни один заклинатель не стал бы тратить столько сил на сбор столь малых крупиц энергии. Никто, кроме Жэнь Ши.

Глядя на незащищенную спину младшего брата, Жэнь Ши почувствовал укол жалости и ускорил чтение заклятий. Он хотел закончить как можно скорее, не осознавая, что сконцентрированный лунный свет обжигает холодом сильнее любого зимнего ветра. Гу Сюньчжи продрог до самых костей, сознание его начало путаться.

— Шисюн... долго еще? — пробормотал он побелевшими губами.

Видя его слабость, Жэнь Ши внутренне содрогнулся от тревоги. Но луна сейчас была в самом зените, ни единого облачка не закрывало её диск — идеальное время для ритуала.

— Не меньше получаса, — ответил он. — Луна сейчас в полной силе. Как только она начнет клониться к закату, я заберу тебя в дом.

Гу Сюньчжи держался на одном упрямстве, и, услышав, что мучение продлится еще полчаса, почувствовал, как ноги его подкосились. Он начал заваливаться вперед, уже приготовившись к удару о мерзлую землю, но Жэнь Ши внезапно обхватил его за талию, не давая упасть.

— Осторожнее, — раздался над ухом спокойный голос шисюна.

— Угу... — Гу Сюньчжи шмыгнул носом, собираясь поблагодарить, но Жэнь Ши, не теряя ни мгновения, вновь зашептал слова заклинания.

Сюньчжи все еще едва держался на ногах, поэтому шисюн так и остался поддерживать его за пояс. Жэнь Ши стоял совсем близко. Его дыхание шевелило волосы на затылке Гу Сюньчжи, вызывая легкий зуд, но тот не смел шелохнуться. Рассеявшийся было лунный свет вновь сгустился, принося ледяную стужу, но объятия шисюна дарили спасительное тепло.

Цепляясь за это тепло, Гу Сюньчжи выдержал еще полчаса.

Как только время истекло, Жэнь Ши оборвал заклятие и немедленно набросил ватный халат на плечи Сюньчжи. Тот почти не мог идти, поэтому он просто подхватил его на руки. Хрупкое, исхудавшее тело в руках бессмертного казалось совсем невесомым и жалким.

Они вошли в дом. Проходя мимо кушетки у дверей, предназначенной для служанок, Гу Сюньчжи поспешно окликнул Жэнь Ши:

— Шисюн, опусти меня здесь. Сегодня я пересплю на этой кушетке.

Жэнь Ши лишь холодно усмехнулся:

— Ты промерз насквозь. Если ляжешь здесь один, к утру дух испустишь от холода.

Гу Сюньчжи внезапно вспомнил грелку для постели, что лежала в его кровати двадцать лет назад.

— Я возьму грелку для постели.

Жэнь Ши покачал головой:

— Грелка для постели слишком горячая. Ты сейчас ледяной, кожа потеряла чувствительность — не заметишь, как заработаешь ожог.

Договаривая это, он уже вносил его в спальню. Кровать здесь была куда просторнее той, на которой обычно спал Сюньчжи, — места с лихвой хватило бы и двоим. Жэнь Ши уложил его, укрыл одеялом и спросил:

— Хочешь лечь с краю, верно?

Вспомнив их прошлую встречу, Гу Сюньчжи смутился до корней волос, но все же кивнул. Убедившись, что младший брат устроен, Жэнь Ши быстро переоделся и лег рядом, легко перемахнув через него.

Только тогда Гу Сюньчжи заметил, что одеяло на кровати всего одно.

Он в замешательстве обернулся к Жэнь Ши, но тот, нимало не смущаясь, уже забирался к нему под бок.

— Шисюн... может быть... принести еще одно одеяло? — не удержался Сюньчжи.

— Не нужно. Ты слишком холодный. Под одним одеялом я смогу тебя согреть.

Жэнь Ши придвинулся вплотную и обнял его. Теплое дыхание коснулось щеки. Гу Сюньчжи по инерции попытался отстраниться, но, поняв, что хватка шисюна крепка, затих. Тело Жэнь Ши обычно было прохладнее, чем у простых людей, но сейчас, когда Сюньчжи промерз до самого нутра, эти объятия казались спасением. Застывшая плоть медленно оттаивала, становясь мягкой, а сердцебиение возвращалось в норму. Знакомый, успокаивающий аромат шисюна окутывал его, даря чувство защищенности.

Гу Сюньчжи вспомнил, как в детстве, когда ему не спалось, он прибежал к шисюну, и тот точно так же обнимал его. Тогда, в невинности лет, у него не было иных помыслов, но сейчас в душу закрались другие, смутные чувства. Впрочем, изнуренный холодом и усталостью, он не смог долго предаваться раздумьям и вскоре провалился в глубокий сон.

Жэнь Ши уснул не сразу. Он честно исполнял роль грелки, стараясь согреть Сюньчжи и при этом не раздавить его своей массой. Лишь когда он почувствовал, что кожа младшего брата стала теплой — даже жарче, чем его собственная, — он успокоился, отстранился и закрыл глаза.

Должно быть, из-за пережитого холода Гу Сюньчжи проспал до самого утра, ни разу не проснувшись ночью. Впрочем, возраст брал свое, и он открыл глаза еще до рассвета.

Вспоминая вчерашнюю стужу, он ожидал, что проснется больным, но, к его удивлению, не чувствовал ни малейшего недомогания. Должно быть, лунная энергия и впрямь пошла на пользу. Сюньчжи попробовал встать — тело казалось необычайно легким.

Настроение мгновенно улучшилось. Вчерашние страдания теперь казались оправданными. Одевшись, он взглянул на браслет из Жемчужин Южных морей на запястье и заметил, что камни сияют ярче обычного.

— А ты сегодня прямо светишься, — улыбнулся он украшению.

Жемчужины, словно поняв его слова, на мгновение вспыхнули еще сильнее.

Гу Сюньчжи опустил руку и подошел к туалетному столику. Склонившись над бронзовым зеркалом, он внимательно всмотрелся в свое отражение, но, не заметив перемен, разочарованно вздохнул. В этот момент за его спиной раздался голос:

— Ты впитал немало энергии за ночь. Как себя чувствуешь?

Гу Сюньчжи испуганно отпрянул от зеркала, словно пойманный на воровстве — ему не хотелось, чтобы шисюн видел, как он разглядывает свои морщины. Жэнь Ши лежал на кровати, подперев голову рукой, и неизвестно, как долго он наблюдал за ним. Его томный и прекрасный взгляд, как всегда, заставил сердце Сюньчжи пропустить удар.

— Чувствую прилив сил, — ответил он, стараясь не смотреть в глаза шисюну.

Жэнь Ши поднялся, подошел вплотную и, коснувшись пальцами виска Сюньчжи, властно приподнял его подбородок.

— Внешне изменений почти нет... — прошептал он прямо в лицо младшему брату.

От этого шепота по коже Гу Сюньчжи побежали мурашки. Он увернулся, высвобождаясь, и опустил глаза, стараясь скрыть волнение:

— Молодость, старость — какая теперь разница... В моем возрасте глупо об этом заботиться.

Шисюн обнял его за плечи, и его глаза, глубокие и прозрачные, как озерная гладь, оказались совсем рядом.

— Если не заботишься, зачем тогда в зеркало глядел? По-моему, тебе это очень даже важно.

Перед лицом такой красоты Гу Сюньчжи на мгновение оцепенел. Лицо его вспыхнуло, и он тихо пробормотал:

— На самом деле... мне все равно. Просто боюсь, что, стоя рядом с тобой... буду выглядеть слишком уж неуместно.

Жэнь Ши нахмурился. Он взял Сюньчжи за руку, подвел к зеркалу и, нажав на плечи, заставил сесть, а затем опустился рядом.

В зеркале отразились двое. Один — воплощение юности и силы, прекрасный, как небожитель; другой — исхудавший старик, чьи глаза, впрочем, светились необычайной живостью. Гу Сюньчжи казалось, что его дряхлость в этом сравнении становится лишь очевиднее, и он хотел было отвернуться, но Жэнь Ши вновь взял его за подбородок, вынуждая смотреть прямо в зеркало:

— По мне, так мы смотримся идеально. Ну же, скажи мне, что здесь «неуместно»?

<http://bllate.org/book/17555/1713276>